

	<p>ФОРУМ 2.</p> <p><i>Стратегии модернизации и вызовы постсовременного мира</i></p>
---	--

<p>Анохина Виктория Валентиновна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>Постмодернизация как новый тип социальных трансформаций.</i></p>
--	--

ПОСТМОДЕРНИЗАЦИЯ КАК НОВЫЙ ТИП СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Анохина В. В.

Белорусский государственный университет

Вторая половина XX в. в социокультурной динамике передовых стран Запада и Востока отмечена особым типом модернизации, который во многом предопределил их переход к информационно-постиндустриальному типу социально-экономического развития. Социальные теоретики именуют его по-разному: «радикальный, или поздний модерн» (Э. Гидденс), «рефлексивная модернизация» (У. Бек), «глобальный модерн» (Д. Нейберт и Е. Макамо), «альтернативный модерн» (Р. Гринштейн), «отложенный модерн» (А. Малаин), «первый / второй модерн» (К. Леккарди), «глоболокальный модерн» (С.А. Кравченко) и т.д. Сегодня в политической философии и социальных науках по-прежнему дискуссионными остаются проблемы разграничения стадий модернизации и перехода к «постсовременности» как особому социокультурному состоянию, знаменующему выход за пределы классического модерна.

Результатом первых этапов модернизации стран Запада стало формирование индустриального общества, которое вывело на первый план массы усредненных атомизированных индивидов и бюрократию, направленную на организацию и упорядочение масс. Следующий виток

модернизации западных стран привел к становлению развитых форм индустриализма, так называемого «общества потребления», стремящегося к высоким социальным стандартам. Кризис «общества потребления» и необходимость перехода к постсовременной фазе развития означены рядом новых симптомов, среди которых называют следующие.

Во-первых, идеология консьюмеризма привела к ослаблению аскезы труда. Трудовая этика протестантизма, как движущая сила первого модерна, была поставлена под сомнение [4, 212]. Во-вторых, индустриализация и присущая ей стратегия экономического роста обнаружили свою экологическую несостоятельность [1, 269]. В-третьих, внутри западного мира нарастает критика нравственного релятивизма и партикуляризма, которые провоцируют деморализацию общества, ориентируют индивида на ценности инструментального успеха и материальные формы престижеобретения. Все настойчивее звучит призыв к обоснованию значимости пост-материальных ценностей, что изменяет отношение общества к религии. В-четвертых, возникают новые глобальные вызовы и угрозы (международный терроризм, новая конфигурация геополитической карты мира, межцивилизационные конфликты и борьба за ресурсы), которые заставляют изменять содержание проектов модернизации.

Эти, а также другие противоречия современных форм социальной динамики порождают различные точки зрения относительно содержания новой фазы модернизации.

Так, по мнению Ульриха Бека, Запад еще не вступил в эпоху постмодернизма, а продолжает жить в развитом индустриальном обществе, которое лишь приобрело новую форму, став «насквозь современным». Эту форму Бек именуется «обществом риска», причем отмечает, что многие из этих рисков порождены логикой индустриального развития, т.е. являются специфическим проявлением эпохи модерна [2]. Согласно его концепции, все мы являемся свидетелями не конца, а начала современности. Характерной особенностью этой стадии является то, что модернизация уничтожает собственные основания и предпосылки. Фаза «рефлексивной модернизации» окончательно атомизирует индивидов, разрывая традиционные связи и качественно изменяя социально-классовую структуру индустриального общества. Индивид попадает в зависимость от рынков труда и потребления, которые не имеют национальных границ. Новая форма модернизации изменяет характер социальной солидарности. Ульрих Бек говорит о том, что «место общности нужды занимает

общность страха», и это ставит логику распределения благ в зависимость от логики распределения рисков.

В эпоху развитой современности, согласно концепции У. Бека, центральным вопросом является риск и способы его предотвращения, минимизации и управления. На смену идеалам равенства, приходит принцип безопасности. Поэтому модернизация утрачивает характер естественного процесса рационализации общественной жизни. Она становится предметом профессионального прогнозирования и проектирования, а, следовательно, превращается в специфический социальный конструкт, олицетворяющий власть технократических транснациональных элит.

Среди важнейших особенностей новой формы модерна следует отметить следующие, неоднозначные по своим последствиям, трансформации. Во-первых, для нее характерно увеличение степени открытости социальных систем, что сопровождается ростом неопределенности функционирования общественных институтов. Во-вторых, усиливается релятивизация традиционных ценностно-нормативных систем социальной регуляции, что, на первый взгляд, облегчает усвоение либеральных моделей организации общественной жизни, поскольку способствует ее рационализации. Однако релятивизация традиционных ценностей ставит под удар национальную идентичность, лишает культуру темпоральной глубины, способствует массовизации сознания и поведения индивидов, что создает благоприятную почву для воскрешения тоталитарных режимов. В-третьих, для современных обществ характерны усложнение и дифференциация пространственно-временных характеристик социума, в частности, «глокализация» пространства и «компрессия» времени. Эта тенденция имеет несколько измерений. Наиболее опасной для современных форм модернизации является денационализация. Под воздействием глобализации, как отмечает У. Бек, «национальное государство утрачивает... суверенитет и субстанцию, причем во всех сферах – финансовых ресурсов, политической и экономической свободы действий, информационной и культурной политики, повседневной идентификации граждан» [3, 32-33]. Воспринимая глобализацию как реальную угрозу своему статусу, национальные политические элиты не-западных обществ настороженно воспринимают проекты модерна, усматривая в них очередную попытку вестернизации и подчинения страны интересам транснациональных корпораций. Поэтому глокализация социального пространства частично может рассматриваться

как реактивный ответ на вызовы глобализации, как попытка реанимировать традиционный опыт в качестве основания для дальнейшего развития. В-четвертых, отмечается усиление значимости рефлексивных культурных практик и социальной самоорганизации граждан, формирование новых форм демократии и гражданского общества.

Существует и другая точка зрения, согласно которой новая фаза модерна является постмодернизацией, или переходом к постсовременному состоянию, качественно отличному от проекта модерна (Дж. Грей, З. Бауман, Р. Рорти, Ю. Хабермас).

Новая фаза модернизации характеризуется поиском синтетических моделей социальной динамики, которые гармонично сочетали бы экономическую эффективность, ориентированную на стандарты «sustainable development», новейшие технологии как следствие опережающего развития фундаментальных наук и опоры на ценности традиций, задающих знаково-символическую матрицу культурно-цивилизационной идентичности.

Согласно В. Г. Федотовой, «представление о постсовременном обществе (postmodern society) сближает черты традиционного и современного обществ. Оно включает в себя: ориентацию на новое, с учетом традиции; использование традиции как предпосылки модернизации; светскую организацию социальной жизни, но значение религии и мифологии в духовной сфере; значение выделенной персональности и вместе с тем одобрение и использование имеющихся форм коллективности; сочетание мировоззренческих и инструментальных ценностей; демократический характер власти, но признание авторитетов в политике; эффективную производительность, но и ограничение пределов роста; совмещение психологических характеристик человека традиционного и современного общества; эффективное использование науки при осуществлении традиционных, ценностных легитимаций социального выбора» [4, 227]. Перечисленные особенности «postmodern society» позволяют увидеть тенденции изменения старой мировоззренческой парадигмы модерна, а также вычленив новую систему приоритетов, легитимирующих постсовременный этап модернизации.

Прежде всего, для постмодернизационных проектов характерен поиск новых оснований социокультурной идентичности, что определяет возросший интерес к феномену культурной традиции и стремление найти пути адаптации традиционного опыта к условиям глобального развития.

Действительно, переход к многополярному миру предполагает конкуренцию основных цивилизационных центров, интегрирующих вокруг себя родственные в культурном отношении государства. Бурно развивающиеся восточноазиатские государства спланиваются вокруг общей для них конфуцианской культурной основы. Индия, демонстрируя высокие темпы экономического, научно-технического и демографического роста, возрождает традиции индуизма, позволяющие ей интегрировать свое культурно-цивилизационное ядро в условиях достаточно агрессивного инокультурного окружения – ислама на северо-западе и буддизма на юго-востоке. Арабо-мусульманская цивилизация, втягивающая в орбиту исламского мира ряд государств Центральной Африки и Средней Азии, также демонстрирует рост социальной сплоченности и культурно-цивилизационного возрождения.

В этом контексте дискуссии о евразийской цивилизационной основе России свидетельствуют об обострении проблемы идентичности для входящих в ее состав народов. Кроме того, проблема социокультурной идентичности, без решения которой невозможен успех модернизации, становится все более значимой для соседних с Россией стран восточнославянского региона, охваченного культурным влиянием Православия. Причем активизация роли Православной Церкви в вопросах выбора модернизационных стратегий указывает на процесс разграничения и различения западно-христианских и восточно-христианских культурно-цивилизационных векторов развития. Радикальные проекты современного Православия связаны с построением теократического государства, что указывает на стремление определенных социальных сил в России рассматривать православную идеологию в качестве культурного ядра социально-политической интеграции восточнославянских народов после распада СССР.

Западная цивилизация, в свою очередь, демонстрирует рост правых, почвеннических настроений и укрепление социокультурных фильтров, обеспечивающих культурно-мировоззренческое единство не только западно-христианской Европы, но и той части западной ойкумены, которая связана с Северной Америкой и развитыми странами тихоокеанского региона (Австралия, Новая Зеландия).

К тому же, намечаются векторы культурно-цивилизационной интеграции латиноамериканских государств, имеющих иберийскую языковую основу, и рост национального самосознания ряда африканских народов.

Специфический «ренессанс» культурных традиций обусловлен не только появлением новых цивилизационных центров мировой динамики, но также необходимостью сбалансировать экспоненциальный рост материальных технологий, усугубляющих экологический кризис и социально-экономическую неравномерность мирового развития, за счет формирования адекватных современным условиям социальных технологий, основанных на специфике культурно-исторического опыта различных народов. В немалой степени это явилось следствием провала линейных экстраполяций модели «догоняющей» модернизации в развивающихся странах.

Далее, следует отметить, что на фоне возрождения интереса к специфике локальных культур и традиционным основаниям социальности вполне закономерна определенная степень ремифологизации массового сознания. Этому способствуют особенности массовой культурной индустрии, ориентированной на коммерческий успех и привлекательность для широкой аудитории, на актуализацию архаических слоев человеческой психики. Наряду с этим, ремифологизация связана с постмодернистской критикой научной рациональности и логоцентризма классической культуры. Также она коррелирует с особенностями постнеклассической науки, не требующей жесткого противостояния ненаучным формам познания, а также со спецификой развивающегося социального знания, имеющего в своей структуре значительный ценностный компонент и четко не разграниченного с идеологией.

Ремифологизация постсовременной культуры является благоприятным условием для развития социальных технологий, направленных на манипулирование общественным сознанием. С одной стороны, это облегчает организацию масс для нового витка модернизации, особенно в странах с авторитарными политическими режимами. А с другой стороны, ремифологизация массового сознания является побочным продуктом формирования новых институтов социализации, которые в условиях постсовременности пытаются опереться на локальные особенности социальных субъектов и различные этнокультурные традиции.

Также, для постмодернизации характерен поиск новых механизмов социальной интеграции и укрепления солидарности, что необходимо для мобилизации человеческого капитала и разнообразных символических ресурсов. В условиях определенного истощения исходной мотивации модерна – протестанской аскезы и трудовой этики – западные страны,

столкнувшись с негативными следствиями индивидуализма и гедонизма, пытаются найти новые основания сплоченности акторов модернизации.

Аналогично, не-западные субъекты постсовременной модернизации стремятся использовать локальные культурные ресурсы, обеспечивающие эффективность коллективных форм труда и творчества масс. Поэтому значимость коммунитаризма в постсовременной культуре скорее всего будет возрастать. Хотя легитимация этого принципа в западной ментальности потребует новой интерпретации связи таких фундаментальных ценностей европейской культуры, как свобода, равенство, справедливость. Это актуально и для духовной жизни не-западных стран, в культуре которых специфическое прочтение и соотношение данных ценностей часто способствовало оправданию различных форм тоталитаризма и деспотизма.

Наконец, все перечисленные выше изменения внутренне связаны с формированием новой иерархии ценностей. Ее стержнем могут стать не принципы инструментальной рациональности, а мировоззренческие основания культурных традиций, моральные, религиозные и социальные идеалы, ориентирующие общество на такую мобилизацию ресурсов, которая позволила бы выработать экологически оптимальную и нравственно легитимную стратегию развития человеческой цивилизации. Новые формы и темпы научно-технического развития человечества должны быть сбалансированы с закономерностями функционирования биосферы и экосистем Земли. Они должны иметь человекомерный характер, коррелировать с возможностями и темпами развития социальных технологий, формирующих определенный тип личности и социальной организации. Именно разрыв между материальными и социальными технологиями эпохи индустриализма, несоответствие темпов их развития во многом предопределили негативные социальные, культурные и экологические последствия индустриальной революции.

Очевидно, что ценностная структура нового модерна, независимо от того, как мы будем его именовать – рефлексивный, постсовременный, радикальный, второй и т.п. – потребует комплексной трансформации социальной жизни всех типов цивилизаций. Изменения затронут не только базовый уровень технологий и экономических институтов, но общество в целом, его культуру и социальные институты, способы коммуникации и системы деятельности.

Таким образом, речь идет о такой постсовременной стратегии модернизации, для которой специфичны следующие приоритеты:

универсальная ценность жизни, мирное взаимодействие цивилизаций в условиях глобализирующегося мира, солидарное противостояние глобальным вызовам в лице обострения демографических и ресурсных проблем, интенсивное сотрудничество по предотвращению экологических катастроф и непредсказуемых социально-антропологических последствий новых технологических революций.

Литература

1. Gore, A. Earth in the balance / A. Gore // Ecology and the Human Spirit. – New York, 1993.
2. Бек, У. Общество риска На пути к другому модерну / У. Бек. – М., 2000.
3. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / У. Бек. – М., 2001.
4. Модернизация : от равенства к свободе / В. В. Козловский, А. И. Уткин, В. Г. Федотова. – СПб., 1995.